

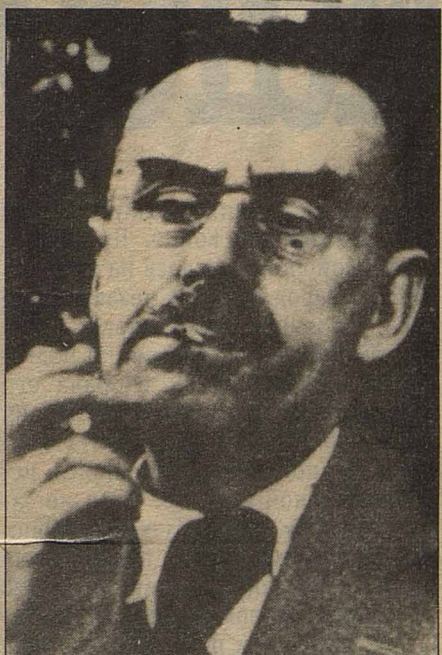
МАНН.

Андрей Кротков. - 2000. -
~12 (март). - с. 17.

Тяжеловесная изящность

Т. Манн. Избранник/Роман. - СПб.: Азбука, 1999. 344 с. Тираж 10 000 экз.

ОН СМОТРИТ НА НАС С ПОРТРЕТОВ всегда один и тот же – пожилой, коротко подстриженный, с гладко выбритыми щеками и шетинистыми усиками, в аккуратном пенсне – смотрит сверлящим, умудренным взглядом человека, словно никогда не бывшего молодым. Добротный, законченный немец северогерманской выделки. Человек, в котором литературная ипостась европейской гуманитарной культуры сконцентрировалась до пугающей плотности. Не то пишущий профессор, не то профессорствующий писатель – Томас

Манн. Прозаик, абсолютно чуждый, инородный духу и традициям русской литературы, образцовый "сумрачный германский гений" – и вместе с тем кумир продвинутых советских интеллектуалов, собрание сочинений которого по-русски издавалось трижды. Выходец из весьма обеспеченной буржуазной семьи, Манн обнаружил неплохие способности к ведению семейного дела (оптовой торговле зерном) и мог бы процветать на этом поприще, если бы не выбрал иное. Своеобразной талантливостью отличались даже его чисто немецкая житейская осно-

вательность, бытовая скромность, отменное воспитание и манеры, безошибочный художественный вкус и человеческая открытость. Как писатель он заявил о себе nepозволительно рано: мало кто из пишущих мог бы похвастаться громким европейским успехом своего первого романа, написанного в возрасте 25 лет, и последующей полувекковой устойчивой известностью в мире, включая такую безупречную рекомендацию, как первенство в списке имен писателей, чьи книги при гитлеровском режиме приговорили к полному изъятию и уничтожению.

Самыми ходовыми и известными в России сочинениями Манна были его традиционно-нравоописательный семейный роман "Будденброки" (1901) и новелла "Смерть в Венеции" (1912); последняя особенно ценилась за артистичный философизм и тонко, почти безобидно проведенную тему постыдного педофилического томления старого профессора Густава фон Ашенбаха по десятилетнему мальчику (советская цензура сей запретный плод умудрилась не заметить). Немногие люди находили в себе силы одолеть полоторатыхчестраничную "Волшебную гору" (1924) и столь же объемную тетралогию "Иосиф и его братья" (1933–1943), написанную на ветхозаветный сюжет. Интеллектуальным паролем и полочной манифестацией российских книжечеев был "Доктор Фаустус" (1947), перекликающийся с трагедией Гете темой дьявольского искушения – с той разницей, что герой романа не ученый, а композитор. Незаконченный, дописанный лишь на треть плутовской роман "Признания авантюриста Феликса Крулля" (1910–1954) был почему-то особенно любим дамами – потому, видимо, что в нем фигурировал обаятельный душака-донжуанчик небывалого в России типа. Не повезло лишь одной книге Манна – роману "Избранник" (1951). Рецензируемое издание романа – второе на русском языке.

Тяжеловесная изящность этой стилизованной средневековой притчи требует особого подхода при чтении. Средневековые "Избранника" –

условное, театральное, вневременное и внепространственное, равно как и положенная в основу сюжета полуфантастическая история призывания и избрания одного из римских пап. "Усредненный" европеец Григорс, однако, не выдуман автором. Именно такими и были западноевропейцы "варварской" эпохи отпадения империи Карла Великого (843) до начала крестовых походов (1096). В тогдашних варварских королевствах и племенных территориях, управляемых диковатыми вождями с титулами князей и графов, едва просматривались контуры будущих национальных государств; разгул обычного права и буйного "ндрава" светских владык вступал в конфликт с папским престолом, олицетворявшим власть небесную и Божественный закон; император франков Людовик Благочестивый слыл человеком изнеженным (ибо мылся два раза в год, на Рождество и на Пасху) и любителем роскоши (ибо содома его покоев, на которой император спал вместе со своими собаками, менялась слишком часто – раз в месяц).

Восстановить психологическую достоверность и особенности сознания людей столь отдаленного времени – невозможно, не впадая в модернизацию истории (вот почему не следует особо доверять так называемым историческим романам). Единственное, что доступно литератору, – сохранившиеся памятники языка и письменности. В оригинале "Избранник" стилизован архаически, что в принципе не мешает его немецкоязычным читателям. Но как сделать то же самое по-русски – писать языком Русской Правды или Повести временных лет? С. Апт, многолетний переводчик сочинений Манна, решил задачу на свой манер, используя образцы русского "приказного языка" XVII в., макаронической речи XVIII в. и позднейших (в основном комических) стилизаций XIX в. Как бы там ни было, русский "Избранник" существует и дает себя читать не без удовольствия для читателя. А что касается идеальных переводов, то таковых не бывает. Вообще.

Андрей Кротков